

Глава 14: Съёмки (Часть 2)

– Эй, Анджела, что ты тут делаешь? – группа девчонок с шумом и смехом подошла к ней. Та, что была впереди, заметив Анджелу, радостно крикнула. Это была та самая высокая девочка, с которой Анджела играла в первой сцене. Её тоже звали Энни.

– Привет, Энни, привет, девочки, – лениво отозвалась Анджела. Она легко ладила с этими временными актрисами, но сейчас ей было не до разговоров.

– Что случилось? Помощь нужна? – Энни, заметив её настроение, участливо спросила. Остальные девочки тут же подхватили, наперебой выражая поддержку.

– Ничего, просто не знаю, как лучше сыграть, – Анджела выдавила улыбку.

– Не знаешь? Господи, да ты классно играешь! – Энни широко распахнула глаза.

– Точно, я считаю, Анджела молодец, – добавила другая девочка, в очках.

– Неужели режиссёр тебя отругал? Пойдем, разберёмся с ним! – воскликнула ещё одна, помладше.

Видя, как девчонки всецело за неё, Анджела не могла сдержать горькой усмешки, но её хандра немного отступила.

– Девочки, хватит, – поспешила она сказать. – Я просто думаю, как лучше сыграть. Ничего такого, правда. Спасибо за поддержку, но дайте мне, пожалуйста, ещё немного посидеть в тишине, хорошо?

Энни тут же кивнула:

– Конечно, без проблем. Уходим. Удачи тебе!

Остальные девочки наперебой пожелали ей того же и, ведомые Энни, направились к хижине. Но не прошло и пары шагов, как Энни вернулась. Поколебавшись, она тихо сказала:

– Анджела, если... если режиссёр правда тебя отругал, не бери в голову, ладно?

...

Хотя Анджеला и удивилась, почему Энни специально вернулась, чтобы сказать ей это, она всё же улыбнулась в ответ:

– Не волнуйся, я в порядке. Ничего такого не было.

Энни кивнула, подарив ей ободряющую улыбку, и побежала обратно. Анджеला проводила взглядом её и других девочек, направляющихся к хижине, а затем снова повернулась к озеру. Небольшой эпизод с подругами не помог решить её проблему, но настроение заметно улучшилось. И тут в голове вспыхнула идея.

– А что, если попробовать так? – пробормотала она. Закрыв глаза, она встала лицом к озеру, опустив руки. Пока её тело слегка покачивалось, подстраиваясь под равновесие, Анджеला глубоко вдохнула, задержала дыхание на три-четыре секунды и медленно, ритмично выдохнула. Затем снова резко вдохнула, на этот раз задержав дыхание на пару секунд дольше, и выдохнула в другом ритме. Повторив этот цикл несколько раз, она остановилась.

В этот момент лёгкий ветерок пробежал по озеру, вздымая мелкие волны. Золотистые волосы Анджелы заколыхались на ветру, а её аккуратная светло-серая клетчатая юбка и блузка придали ей неожиданно новое обаяние — словно появилась какая-то неуловимая, дымчатая аура.

Медленно открыв глаза, Анджеला посмотрела на озеро и уверенно улыбнулась, её неглубокие ямочки на щеках добавляли особого шарма. Она быстро вернулась к Чарльзу и Нэнси и, всё ещё улыбаясь, сказала:

– Можно продолжать, мистер Шайер.

Чарльз, не совсем понимая, что произошло, переглянулся с женой. Не говоря ни слова, он тут же дал команду начать съёмку. Вскоре все заметили перемену в Анджеэле. Алан Бак, уже игравший с ней несколько сцен, ощутил это особенно остро, хотя и не мог точно сказать, что изменилось. Это чувство едва не заставило его снова ошибиться в кадре.

Но Чарльз, сидящий в режиссёрском кресле, видел другое. Он заметил, что неестественная скованность Анджелы сменилась какой-то свежей, юной непосредственностью, придающей ей необыкновенное обаяние. Удивлённый, он не стал останавливать съёмку и распорядился переснять сцену с разных ракурсов, прежде чем закончить.

Затем Алану Баку пришло время уезжать — его роль ограничивалась этой сценой, и он должен был вернуться только к съёмкам в отеле «Парадиз». Съёмочной группе же предстояло провести в лесном парке ещё неделю, чтобы завершить все кадры.

Нэнси объявила, что Анджеела может ненадолго отдохнуть.

– Сейчас четыре часа, через два — ужин. Нам нужно отснять сцену первого ужина в лагере, а потом, в восемь вечера, приступим к ночным съёмкам, — объяснила Нэнси, рассказывая Анджеле о плане.

– Значит, сейчас будем снимать сцену с аллергией на клубнику? — спросила Анджела, моргая. Её недавняя дымчатая аура исчезла, уступив место ещё большей детской миловидности, но без того неуловимого шарма.

– Верно. Это будет первый выход Джессики. Хотя в постпродакшене мы заменим её тобой, это не значит, что ей нужно просто заученно читать текст, — Нэнси повернулась к Джессике.

– Поняла, миссис Майерс! — Джессика закивала, её щёчки пылали от возбуждения. Анджела, глядя на неё, невольно захотела ущипнуть её за щёку, но, конечно, лишь подумала об этом. Сейчас её главная задача — оттачивать актёрское мастерство. То, что произошло у озера, было хитростью: она применила дыхательную технику, которой её научила бабушка, наполовину китаянка. По словам бабушки, её мать — прабабушка Анджелы — тайком передала ей эти знания. Откуда они у прабабушки, предстояло выяснить позже. Но эти простые дыхательные упражнения и правда успокаивали нервы, а может, даже вводили в лёгкий транс — Анджела так думала, ведь после них её разум всегда становился удивительно пустым.

Однако, очевидно, она не могла и не должна была постоянно полагаться на эту технику, опустошая голову и играя на одних инстинктах. Пусть изначально она взялась за роль из любопытства и желания попробовать что-то новое, это не означало, что она отнесётся к делу несерьёзно. Особенно после двух главных сцен сегодня. Честолюбие и ответственность — разные вещи. Если бы днём она не затянула съёмки, группа могла бы уже отснять сцену с фехтованием.

– Пойдём, Джесс, отрепетируем. Хочу, чтобы всё прошло с первого раза, — Анджела потянула Джессику в сторону, вновь загоревшись решимостью.

Пока съёмочная группа размеренно работала над другими сценами, Анджела и Джессика, захватив Дженнифер в роли лагерного вожатого, принялись отрабатывать реплики. Но это длилось недолго: вскоре прибыли репетиторы, нанятые родителями, и девочкам пришлось приступить к обязательным трём часам учёбы, предусмотренным законом о детском труде, — конечно, не подряд.

Репетитор, мисс Альма Браун, была женщиной лет пятидесяти. Несмотря на добродушный вид, она оказалась крайне строгой и даже старомодной. Она запретила Анджеле сидеть на полу во время урока, что вызвало у девочки бурю внутреннего недовольства.

«Серьёзно? Один суровый Чарльз Шайер уже доводит меня до белого каления, а теперь ещё и эта? Они что, хотят, чтобы я взбунтовалась?»

Конечно, бунтовать было немислимо. Мисс Браун, хоть и строгая, умела вести уроки с таким юмором и живостью, что даже Анджела, обычно равнодушная к школьной программе,

невольно втянулась и внимательно прослушала пару занятий. Но из-за этого она мысленно приписала мисс Браун вину за два проваленных дубля перед ужином. Не то чтобы Андже́ла была мелочной — просто оба раза ошиблась именно она, а не Джессика, и это доводило её до белого каления. Она понимала, что режиссёр требовал от неё больше, чем от подруги, но это не мешало ей в душе жалеть себя. Так мисс Браун временно стала козлом отпущения.

Сцена в столовой не требовала от Андже́лы полного внимания, как выход Энни, поэтому после двух неудачных дублей она, наконец, уловила то самое чувство, что было днём, и успешно завершила сцену, к всеобщему облегчению.

– Пожалуй, перед этим мне стоило купить книжку, ну, вроде «Самоучителя актёра» или что-то такое, – сказала Андже́ла Джессике за ужином, когда съёмочная группа сделала перерыв.

Джессика не поняла, о какой книге речь. Название звучало ясно, но она, конечно, не могла знать о комедийной и драматичной аллюзии на фильм Стивена Чоу. Лишь любопытно моргнув, она ждала объяснений, но Андже́ла, потеряв интерес к разговору, уткнулась в свою овощную салатницу. Джессика пожала плечами, отбросила это и принялась вспоминать, что она вынесла из сегодняшнего дня.

С наступлением ночи съёмочная группа снова засуетилась. Андже́ла знала, что ночные съёмки требуют сложной работы с освещением и камерами, и подготовка занимает время, но почему они начались так рано? И место... кажется, у озера? Неужели... неужели...

Её сердце ёкнуло, и она вскочила.

«Господи, неужели уже ту сцену снимать?!» В этот момент строгий, но мягкий голос мисс Браун раздался у неё над ухом:

– Мисс Мейсон, у вас какие-то вопросы?

Андже́ла вздрогнула, встретив острый взгляд учительницы, и поняла, что всё ещё на уроке.

«Чёрт возьми!» – мысленно простонала она. Кинула взгляд на Джессику — та, низко склонив голову над книгой, притворялась, что читает, но её палец водил по строчке. Авраам Линкольн! Андже́ла тут же вскинула голову и с улыбкой сказала:

– Вот в чём дело, мисс Браун. Мы знаем, что президент Линкольн не стал бы великим, если бы не трудности детства. Но я думаю, именно из-за этих трудностей он был слишком жёстким. Если бы он проводил отмену рабства мягче, незаметнее, возможно, Гражданской войны можно было бы избежать.

Это была полная чушь, но Андже́ла, чтобы отвлечь мисс Браун, не стала раздумывать и начала нести первое, что пришло в голову. Мисс Браун и правда опешила, а в этот момент подоспела

Нэнси:

– Мисс Браун, можно на минутку забрать Анджелу?

– Пожалуйста, – ответила та, не вдаваясь в подробности, и сделала приглашающий жест. Анджела наконец-то вырвалась на свободу.

Но радости она не ощутила. Вздохнув, она посмотрела на Нэнси с жалобным выражением:

– Мне что, сейчас придётся раздеться догола и прыгнуть в озеро?

– Не волнуйся, дорогая, мы очистим площадку, все посторонние уйдут, – с улыбкой ответила Нэнси и, помедлив, добавила: – И ты не будешь совсем голой. В ближних кадрах снимем только голову и ноги, а в дальних — с контровым светом.

("Контровой свет" в фотографии и видеосъемке означает освещение, при котором источник света расположен за объектом, направлен на него и на камеру. Это создает эффект контурного освещения, выделяя объект на темном фоне и придавая ему объем.)

Анджела снова вздохнула.

«Вот уж точно сама себе яму вырыла». Надо было убрать эту сцену из сценария, но кто же знал, что она сама будет её играть? Юбка уже доводила её до нервного тика, а тут ещё предстояло раздеваться перед кучей людей. Кроме мамы и Дженнифер, даже отец не видел её без одежды с двух лет.

Но что теперь делать? Попросить Нэнси переписать сценарий? Или вообще отказаться от роли?

«Не глупи!» Так что, промаявшись, целую вечность, пока площадку освобождали, она, дрожа, вышла из фургона для переодевания в облегающем белье, открывающем плечи и ноги. Костюмер умело замаскировала его так, чтобы с контровым светом ничего не было видно.

Сдерживая стыд и неудобство, Анджела подошла к деревянному пирсу у озера. Лёгкий ветерок заставил её снова поёжиться — летний вечер всё же был прохладным.

«Клянусь, больше никогда не подпишусь на такую сцену!» – мысленно поклялась она, выпрямилась, стиснула зубы и по команде режиссёра с разбегу прыгнула в озеро.
